

изучает «идеи Мао» и раболепно преклоняется перед «великим кормчим».

С политикой изоляционизма неразрывно связаны и беспощадные гонения на интеллигенцию в Китае, как на тот слой общества, который прежде всего способен нанести ущерб подобной политике. Поэтому маоисты, с одной стороны, проводят многочисленные кампании по отправке «широких масс образованной молодежи и оторванных от труда городских жителей в деревню на трудовое перевоспитание», а по сути дела — в обнесенные колючей проволокой концентрационные лагеря (за последние несколько месяцев таким образом было выслано около 25 миллионов человек). С другой стороны, они всемерно культивируют враждебное и пренебрежительное отношение к учителям школ и преподавателям высших учебных заведений. Как указывалось в рупоре маоистов — газете «Жэньминь жибао», они поставили перед собой задачу «полностью изменить облик интеллигенции в Поднебесной».

Реакционная маоистская политика отнюдь не пользуется всеобщей поддержкой в стране и наталкивается на растущее (хотя большей частью пока пассивное) сопротивление. Поэтому маоисты вынуждены осуществлять тщательный надзор за настроениями и взглядами людей. Эту функцию вначале выполняли хунвэйбины и цзаофани, опиравшиеся на поддержку армии. В последнее время маоисты решили создать на промышленных предприятиях новую разновидность надзирателей — «хуншаобинов» для усиления контроля над рабочими коллективами, что в сущности означало воссоздание системы «бао цзя», то есть системы круговой поруки, политического надзора и шпионажа, насаждавшейся на предприятиях Китая при старых эксплуататорских режимах.

Одной из главных черт общественно-политической жизни нынешнего Китая является ее тотальная милитаризация. В мирное время, когда стране не грозила никакая-либо непосредственная опасность, китайскому народу искусственно навязывались дух, стиль и ритм жизни, характерные для освобожденных районов периода антияпонской войны. Армия окончательно превратилась в главную политическую силу страны. Только с ее помощью Мао Дзэ-дуну удалось к концу 1968 года завершить разгон конституционных органов государственной власти на местах и замену их «ревкомаами», в которых решающая роль принадлежит той же армии (из 29 провинциальных «ревкомов» 24 возглавляются военными).

Чтобы окончательно закрепить результаты «культурной революции» — растянувшегося на два с лишним года государственного переворота, — маоисты решили провести так называемый «Всекитайский IX съезд КПК». Этот «съезд», представлявший собой сборище специально подобранных маоистами полутысяч «делегатов», продолжался с 1 по 24 апреля нынешнего года. Судя по новому «уставу партии» и информационному коммюнике, «съезд» канонизировал маоизм в качестве официальной и единственной идеологии и возвел антисоветизм в ранг государственной политики.

В новом «уставе КПК» главный акцент делается на централизации, всецело основывающейся на личной преданности «великому вождю» — Мао Цзэ-дуну. Министр обороны КНР Линь Бяо объявляется его преемником. Подобные моменты еще более усилили абсолютистскую окраску формирующейся военно-бюрократической диктатуры. В то же время келейно-семейный характер подбора руководящей верхушки «партии», в которую вошли сам Мао Цзэ-

Тайны «китайской мафии»

Ю. КАТРАМАНОВ

З А ПОСЛЕДНИЕ годы торговля опиумом, которую ведет маоцзэдуновская клика, получила широкую огласку.

«Китай контрабандно торгует наркотиками», «КНР сделалась крупнейшим в мире поставщиком опиума» — такого рода сообщения можно встретить в прессе многих стран мира. По различным оценкам, выручка от контрабандной продажи наркотического сырья составляет в Китае от 500 до 800 миллионов долларов в год и является одним из важнейших источников его инвалютных поступлений.

Менее известно, что деликатные операции по сбыту китайского опиума осуществляет «Триада» — гангстерский концерн с центром в Гонконге. Деятельность этой «китайской мафии», вот уже много лет терроризирующей население Гонконга, да и не только его, окутывает глубокая тайна. Членов ее связывает обет молчания, более суровый, чем даже у сицилийских мафиози.

Тайное общество «Триада» (по-китайски «Саньхэ-хой») было создано в Южном Китае во второй половине XVII столетия для борьбы с маньчжурскими завоевателями. Но уже в XIX веке некоторые руководители «Триады» занимались деятельностью, не имевшей ничего общего с антиманьчжурской борьбой, как, например, продажей китайских кули в Америку и Австралию. После революции 1911—1912 годов, свергнувшей власть маньчжурских богдыханов, «Триада» окончательно вырождается в гангстерскую организацию, промышленящую «покровительственным» рэкетом, торговлей наркотиками, наживающуюся на проституции.

Накануне второй мировой войны «Триада» сыграла роль пятой колонны для японских оккупантов. В награду за оказанную помощь японцы после оккупации Южного Китая официально разрешили членам «Триады» содержать игорные и публичные дома и торговать наркотиками.

Деятельность «Триады» не ограничивается Гонконгом. Организации «Триады» существуют в Макао и на Тайване, а также в тех странах, где есть китайские землячества: в Малайзии, Сингапуре, Бирме,

дун, Линь Бяо, Чжоу Энь-лай, Кан Шэн и их жены, невольно возрождает в памяти воспоминания о том времени, когда Китаем правила печальной известности клика «четырёх семейств» во главе с Чай Кай-ши и его супругой Сун Мэй-лин.

Бросается в глаза почти полное отсутствие в опубликованных документах «съезда» упоминаний об экономических проблемах, стоящих перед страной. Вскользь сделанное Линь Бяо в отчетном докладе заявление о том, будто в Китае «уже несколько лет подряд собираются богатые урожаи, бурного расцвета достигли промышленное производство, наука

Японии, на Филиппинах, в Таиланде и в городах тихоокеанского побережья США (здесь они носят название «Тонгз»).

К победившей в Китае народной революции «Триада» поначалу отнеслась враждебно. Положение стало меняться начиная с 1956 года, когда некоторые руководители гонконгской «Триады», известной под названием «Триада 14 К», повздорив с английскими властями, нашли прибежище в КНР. Как раз в это время в Пекине решили наладить в больших масштабах нелегальную продажу опиума за границу. С этой целью при министерстве внешней торговли КНР был создан тщательно засекреченный «отдел специальных местных продуктов». В лице «Триады» с ее разветвленной агентурной сетью пекинские торговцы «белым ядом» нашли готовую сбытовую организацию. Гонконгские «старшины» «Триады», сбежавшие в КНР, сохранили тесные связи с «Триадой 14 К» и с другими ее филиалами. С их помощью стороны сумели столковаться, и торговля опиумом была поставлена на поток.

Маршрут китайского контрабандного опиума, чья перевозка осуществляется под контролем «Триады», сейчас известен. Из Юньнани, где сосредоточена большая часть плантаций «белого яда», опиум переправляется в Северную Бирму. Это главным образом опиум-сырец, а также морфий — более транс-портбельные брикеты с маркой «999». В Бирме заботы по дальнейшей транспортировке и охране опиумного груза принимают на себя шаньские сепаратисты и... чанкайшисты, вот уже много лет мародерствующие в этой стране. «Триада», поступив в услужение Пекину, продолжает сотрудничать и с ними. Китайский опиум доставляется различными способами в Рангун и Бангкок. В эти порты поступает также и местный опиум. Оттуда целые флотилии пиратских судов, тоже принадлежащих «Триаде», перевозят контрабанду в Гонконг.

Гонконг — главный перевалочный пункт торговцев наркотиками в Юго-Восточной Азии. О масштабах опиумного транзита в этой колонии дает представление следующая случай: только во время одного налета на уединенную ферму близ Коулуна полиция конфисковала 5800 фунтов сырого опиума и 400 фунтов морфия общей стоимостью около 100 миллионов долларов (по ценам американского рынка). А ведь в руки полиции попадает лишь малая толика. В Гонконге большая часть опиумного сырья подвергается переработке в морфий и героин в тайных лабораториях, принадлежащих, конечно, тоже «Триаде». Затем наркотики отправляются по назначению — в страны Юго-Восточной Азии, Японии, США.

Может возникнуть вопрос: зачем понадобилось китайцам выбирать для своей контрабанды сложный окольный путь вместо того, чтобы сбывать опиум непосредственно в Гонконг? Расчет прост.

Опиум, выращиваемый в Юньнани, по химическим свойствам невозможно отличить от бирманского, лаосского или тайландского. Направляя поток своей контрабанды через Бирму и Индокитай, китайские торговцы опиумом тем самым получают возможность замести следы. Сделки между Пекином и «Триадой» держатся в глубоком секрете и обычно совершаются через подставных лиц. При этом деловые расчеты происходят не в Гонконге, а на другой стороне Чжуцзянкоуской бухты, в Макао.

Неподалеку от резиденции португальского губернатора Макао среди зданий старинной архитектуры выделяется фешенебельный особняк, построенный в стиле модерн. Особняк принадлежит Чен И-мину — одному из самых уважаемых людей Макао. Чен И-мин — в прошлом видный гоминьдановский разведчик, генерал-майор чанкайшистской армии, затем перебежчик, поступивший в услужение Пекину, — возглавляет местную «Триаду». На вопрос о роде занятий он, не таясь, отвечает: «Гангстер». Другая колоритная фигура — Хо Инь, глава «Тай-Фунг-бэнк», финансовый диктатор Макао, одновременно состоящий в Пекине членом Народного политического консультативного совета КНР. Хо Инь, так же как и его коллега, директор гонконгского «Хан-Син-бэнк» И. Лианг, — член «Триады». Эта троица управляет тайным «золотым синдикатом», регулирующим финансовые отношения между «Триадой» и Пекином.

Официально золото ввозится в Макао только для нужд ювелиров и дантистов. Между тем департамент коммерции Макао каждый год аккуратно оценивает импорт золота в сотни миллионов долларов. С такой огромной массой желтого металла явно не под силу справиться всем ювелирам и дантистам этой маленькой португальской колонии. Куда же девается золото? Португальские власти хранят молчание — они получают от «золотого синдиката» откупные в семь миллионов долларов в год. В самом Макао ни для кого не секрет, что золото идет в КНР для оплаты опиумного «экспорта». Часть золота потом тайно экспортируется в другие страны — для финансирования пекинской пропаганды.

Сколько перепадает «Триаде», остается тайной. Известно лишь, что многие заправилы «Триады» сделали за последние годы мультимиллионерами, чье могущество не уступает воротилам преступного бизнеса из «Коза ностра» — американской мафии, с которой «Триада» поддерживает постоянную связь. Именно «Триада» через посредство «Тонгз» стала основным поставщиком героина для «Коза ностра» — главного распределителя наркотиков в США. Сотрудничает «Триада» и с ближневосточным «синдикатом» по торговле наркотиками с центром в Бейруте.

И в одной компании с отпетыми гангстерами — пекинские «революционеры».

и техника», не было подкреплено никакими цифрами и фактическими данными. Все это недвусмысленно говорит о намерении клики Мао и впредь пренебрегать жизненными интересами китайского народа, задачами восстановления и развития народного хозяйства. Зато в заключительном коммюнике всемерно подчеркивается опасность «уклонов, идущих вразрез с политическими установками Мао», и вновь ставится задача продолжать «перевоспитание интеллигенции», проводить кампанию «борьба — критика — преобразование». Ссылаясь на указание Мао Цзэ-дуна, Линь Бяо в отчетном докладе поста-

вил перед «ревкомами» в качестве главной задачи дальнейшую чистку партийного и государственного аппарата.

Все эти факты, равно как и вновь подтвержденное в «уставе», коммюнике и докладе Линь Бяо намерение маоистов продолжать расколнительную деятельность в международном коммунистическом движении и враждебную кампанию против СССР и других стран социалистического содружества, свидетельствуют об окончательной измене группы Мао Цзэ-дуна марксизму-ленинизму, делу пролетарского интернационализма.